

НОВАЯ ЗАПАДНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ИРАНИСТИКЕ

Acta Iranica. Encyclopédie permanente des études iraniennes. I—XVII, Leiden, 1974—1978

Эта многотомная «энциклопедия», издание которой, вероятно, будет продолжаться целые десятилетия, была предпринята в связи с юбилеем 2500-летия Иранского государства, отмечавшегося в 1971 г. Она выпускается международным комитетом (от СССР в его состав входил ныне покойный акад. Б. Г. Гафуров), и ее главным редактором является известный бельгийский иранист Ж. Дюшен-Гильмен. Все тома превосходно иллюстрированы фотографиями эпиграфических памятников и предметов искусства.

Первые три тома содержат публикацию докладов Международного иранского конгресса, состоявшегося в Ширазе в 1971 г. и посвященного эпохе Кира II. Содержание большинства этих докладов было рассмотрено рецензентом в отчете об упомянутом конгрессе¹, поэтому нет необходимости останавливаться здесь на них. Ниже мы рассмотрим содержание наиболее важных статей «энциклопедии», сгруппировав их по соответствующим проблемам².

---

¹ См. ВДИ, 1973, № 1, стр. 226 сл. С некоторыми уточнениями, сделанными Дюшен-Гильменом, этот отчет опубликован во французском переводе в I томе рецензируемого издания.

² Часть работ освещает историю и культуру Ирана в период средневековья и нового времени. Из этих трудов упомянем лишь том XI, посвященный знаменитому ученому Абу Са'ид Абдуль Хайру (967—1049 гг.) из Хорасана.

IV—VII тома посвящены памяти крупного шведского востоковеда Х. С. Нюберга, автора капитальных трудов по семитским и иранским языкам и религиям. В IV томе даны библиография его трудов (стр. IX—XXXI) и его биография (стр. 1—5). В V томе *Г. Виденгрэн* в статье «Нюберг и иранистика в свете личных воспоминаний» (стр. 419 слл.) подробно освещает путь этого ученого, в том числе и его заслуги в борьбе против расовой идеологии фашизма.

Значительное место в рецензируемом издании занимают статьи по истории древних иранских религий. Прежде всего, том XVII содержит публикацию 36 докладов Второго Международного конгресса по митраизму, состоявшегося в Тегеране в сентябре 1975 г. В докладах подробно освещаются возникновение и эволюция культа Митры, его распространение почти во всех провинциях Римской империи.

Древнейшие свидетельства об имени Митры рассмотрены в статье *М. Майраофера*, который полагает, что оно восходит к индоиранскому времени, и исследует его распространение в Алалахе, Угарите и других странах в древнейшие периоды (стр. 317—325). *Дж. Боуфанте* в статье «Имя Митры» (стр. 47—57), напоминает мнение Ж. Дюмезиля о том, что Митра еще индоевропейское (т. е. доиндоиранское) божество, высказывает предположение о том, что само слово, обозначающее название этого бога, также индоевропейское. Ряд исследований в рассматриваемом томе посвящен выяснению функций Митры в Авесте (статьи П. Тиме, Ж. Келлена и др.). *У. Бианки* в статье «Митра и проблема раннего монотеизма» (стр. 19—46) высказывает предположение, что отсутствие упоминания о Митре в Гатах и проповедях Зороастра связано с монотеизмом этого произведения. Однако автор предостерегает против употребления такого термина без предварительного полного исследования всех относящихся к этой проблеме филологических и исторических аспектов. *Х.-П. Шмидт* в работе «Этюды об индоиранском Митре» (стр. 345—393) приходит к выводу, что в индоиранский период, условия жизни которого отражены в Ригведе, слово *mitra* первоначально имело значение «союз» (*alliance*) между различными группами людей. Лишь позднее, по мнению Шмидта, оно стало употребляться для обозначения преданности контракту, заключенному между отдельными лицами. Напомним о том, что название праздника *Mihragān*, посвященного Митре, Бигруни переводит как «любовь духа», Шмидт пытается выяснить причину отождествления Геродотом (I, 131) Митры с Афродитой, которое всегда удивляло историков религии. По мнению автора статьи, информатор Геродота дал для имени Митра значение «любовь» (как один из аспектов союза), но отец истории понял это сообщение неверно, в эротическом смысле.

В статье «Митра в Индии и индуизированные маги» (стр. 229—253) *Г. Хубах* рассматривает малоизученную проблему связей доисторического периода между индийским и иранским Митрой и иранского влияния на индийскую религию в более поздний период. В иранском влиянии на индийскую религию можно различить две фазы: 1) древнеиранское имя *Mitra* в санскрите было заменено соответствующим ему именем *Mitra*; 2) позднее название *Mihra*, являющееся развитием древнего *Mitra*, было заимствовано санскритом в форме *Mihira* для обозначения солнца. Далее автор более подробно прослеживает обе эти фазы.

В пространной статье *Р. Шмидта* собраны и исследованы митраистские теофорные собственные имена (стр. 395—455). Эта митраистская ономастика весьма обширна и засвидетельствована в совершенно различных традициях (иранские, эламские, вавилонские, греческие, лидийские, арамейские и другие источники). Автор приводит подробные таблицы с митраистскими именами в хронологическом порядке от VII в. до н. э. до IV в. н. э., включая в эти таблицы основные сведения как об исторических, так и о мифологических лицах. Шмидт устанавливает также иранский облик этих имен и отмечает их фактическую передачу в текстах вторичной традиции с указанием соответствующих источников.

Р. Н. Фрай, статья которого озаглавлена «Митра в иранской археологии» (стр. 205—241), приводит перечень рельефов с изображением Митры и дает их описание.

Значительный интерес представляет исследование *Ж. Дюшен-Гильмена* «Иран и Греция в Коммагене» (стр. 187—199). На Нимруд-даге, самой высокой вершине Комма-

гены, расположенной между Анатолией и Месопотамией (недалеко от территории древнего царства Митанни), обнаружено много холмов с колоссальными статуями. Это статуи эллинистического времени, изображающие богов и героев. Некоторые из статуй сопровождаются надписями, в самой большой из которых царь Антиох, современник Помпея и Антония, назван *ἱεροθεΐου*. Слово это до сих пор не засвидетельствовано в греческой литературе или других эпиграфических памятниках. В той же надписи упомянут и Митра. Могильный курган высотой 42 м украшен рельефом Антиоха с изображением культовых сцен. Из надписи видно, что боги, которых почитал Антиох, были персидскими, греческими и коммагенскими. Поименно упомянуты, в частности, Зевс, Оромасд, Аполлон, Митра, Гелиос, Гермес, Артагнес (иранский Веретрагна), Геракл и Арес. Как видно из этого перечня, в нем нашли ясное отражение иранские религиозные представления. Культ, введенный Антиохом, включал жертвоприношения с общей трапезой и участием музыкантов. В этом не было ничего специфически иранского — ни магов, ни алтарей огня, ни священных символов. Однако участники культовой сцены были одеты в персидские одеяния, и царь многократно настаивает на том, что жрец должен быть одет по иранскому образцу. Появление некоторых иранских богов в культе Антиоха до сих пор объясняли влиянием религии Зерванизма. Дюшен-Гильмен считает такое предположение несостоятельным. Он напоминает, что еще в 1941 г. Ж. Дюмезиль отметил соответствие между пантеоном из Коммагены и перечнем богов в договоре, заключенном в XIV в. до н. э. хеттским царем Суппилулиумой со своим митаннийским вассалом Шативазой. В конце этого договора содержится призыв, в частности, к митаннийским богам Митре, Варуне, Индре и т. д. Как известно, два последних бога выполняют важные функции в древней индийской религии. По предположению Дюшен-Гильмена, упомянутых богов почитала индоарийская часть населения Митанни, где основным населением, однако, были хурриты. Далее, он полагает, что рельеф из Нимруд-дага является памятником раннего греко-иранского синкретизма, и видит в этом синкретизме отражение древних представлений об арийских богах, засвидетельствованных в митаннийском договоре. Но поскольку между последним и Нимруд-дагским рельефом имеется огромный промежуток времени, между митаннийским перечнем богов и культом Антиоха должно было существовать промежуточное звено. Его, по убеждению Дюшен-Гильмена, надо искать на монетах парфян (а позднее и их преемников Сасанидов), откуда известны имена божеств — Ормазд, Митра, Веретрагна и Анахита. На Нимруд-даге Анахита заменена Герой, возможно потому, что эта богиня не могла восседать рядом с Зевсом-Оромасдом или же потому, что ее культ был связан с проституцией. Оромасда же Антиох отождествляет с Зевсом, а Митру не только с Аполлоном, но и с астральными богами Гелиосом и его близким товарищем Гермесом. Веретрагна был отождествлен не только с Гераклом, но также и со специфически астральным богом планеты Марс Аресом. Что же касается культа Митры, в Коммагене он имел большое значение. Это был единственный бог, который имел особого жреца, и сам Антиох носит костюм, характерный для Митры.

В статье А. Диетца «Бага и Митра в Согдиане» (стр. 111—114) пересматривается общепринятое мнение В. Б. Хеннинга относительно почитания согдийцами Баги (дословно «бог», оба названия восходят к одному и тому же корню). В согдийском календаре, в отличие от других среднеиранских календарей, *Bagakānis*, т. е. седьмой месяц года, не содержит имени Митры, а является композитом с *Bagā*. Еще в 1896 г. И. Маркварт предположил, что Бага — альтернативное имя для Митры, который рассматривался согдийцами как бог *par excellens*. Но в 1965 г. Хеннинг высказал мнение, что у согдийцев существовал особый (не идентичный с Митрой) бог Бага — устроитель и защитник браков. Однако Диетц показывает, что нет оснований допускать существование в Согдиане особого бога, который назывался Бага. Поэтому вопрос об интерпретации названия согдийского месяца *Bagakānis* и функциях Митры в Согдиане вновь остается открытым.

Из статей, посвященных митраизму римского периода, остановимся более подробно на исследовании П. Бескова «Пути раннего митраизма» (стр. 7—18), которое

носит теоретический характер. Долгое время в науке господствовало мнение, высказанное Ф. Кюмоном, о том, что корни митраистских мистерий восходят к Персии, откуда эти мистерии были распространены в других странах «эллинизированными магами». В настоящее время эта гипотеза подвергается критике многими учеными. Еще в 1950 г. С. Викандер писал, что митраистские мистерии не связаны с религией иранского Митры и возникли вне иранской религии, в римских провинциях на Дунае. Он даже полагал, что Mithra (иранское название этого бога) и Mithras (римское обозначение того же божества) не связаны друг с другом. В настоящее время большинство ученых отвергает это предположение Викандера, однако склонно считать, что митраистские мистерии не связаны с религией Митры и не возникли на почве последней. Бесков отмечает, что культ Митры в Иране и смежных странах являлся частью древней религиозной системы и даже носил официальный характер, в то время как митраизм возник в позднее время и митраистские мистерии выполнялись частными обществами. Члены таких обществ были не иранского происхождения, не имели языковых связей с иранцами, и мало вероятно, что они были знакомы с зороастрийской традицией. По мнению Бескова, митраистский культ возник в среде римских воинов на Дунае, которые в определенной мере были знакомы с иранской культурой. На Боспоре римские и иранские солдаты воевали против общего врага (а именно сарматов) и имели контакты друг с другом. Для почитания в своих тайных обществах римские солдаты выбрали иранского Митру, о котором они, вероятно, имели лишь смутные представления. По возвращении римских солдат на Дунай исповедуемый ими культ Митры потерял всякие иранские корни и превратился в характерный для воинов культ мистерий. Позднее римские солдаты, как полагает Бесков, распространили мистерии Митры в Сирию и перевели латинскую терминологию этого культа на греческий язык.

В остальных статьях тома рассматривается культ Митры в манихейских текстах, кушанской нумизматике, в армянском фольклоре и распространение культа в римских провинциях. Авторы полагают, что этот культ был значительным феноменом культурного (но не этнического) характера.

Попутно остановимся и на исследованиях по иранским религиям, которые опубликованы в других томах рецензируемого издания. Дж. Р. Хиннелс анализирует изображения фигур с человеческим телом и головой льва в римском митраизме (IV, стр. 333—369). Некоторые ученые высказывали мнение, что эти фигуры отражают митраистское развитие идеи об иранском боге Зерване. По предположению автора статьи, они изображают существо, которое осуществляло руководство при восхождении человека к высшей духовной жизни. Концентрация таких памятников в Риме и его окрестностях, как полагает Хиннелс, свидетельствует о том, что римские граждане во II и III вв. были очарованы восточной культурой.

Весь VIII том занимают Гаты, древнейшие части Авесты, заново переведенные С. Инслером, — самые трудные иранские (а может быть, и индоевропейские) тексты, перевод и трактовка которых вызывают много разногласий. В ряде случаев Инслер, исходя из современных лингвистических и филологических методов, исправляет текст Гат, концентрируя внимание на главных проблемах грамматики и словаря этих гимнов. Кроме перевода, в томе дан текст Гат в транслитерации, комментарий и полный словарь со ссылками на тексты.

В статье В. И. Абаева «Зороастр и скифы» (VI, стр. 1—12) сделана попытка выяснить этническое происхождение Зороастра. В «Авесте» в числе этнических групп упоминается народ tūga, который Нюберг с полным основанием отождествил с сакско-массагетскими племенами, обитавшими за Яксартом, на границе с Хорезмом. В Гатах о tūga говорится положительно в отличие от позднейшей зороастрийской традиции. Исходя из «Ясны» 46, В. И. Абаев приходит к выводу, что Зороастр был связан с родом туранца по имени Фриан и даже, возможно, сам принадлежал к этому роду. Однако, по мнению автора, лишь небольшая часть саков была вовлечена в религиозный переворот Зороастра, а основная их масса оставалась совершенно чуждой зороастризму. Об этом, как полагает автор статьи, свидетельствуют также описания скифской религии у Геродота, где нет никаких намеков на зороастризм, и утверждение Дария I в V

столбце Бехистунской надписи о том, что сакское племя тиграхауда не почитало Ахура-Мазду. В. И. Абаев считает, что хозяйственная программа Зороастра (переход к оседлому скотоводству под защитой сильной власти) представлялась малопривлекательной для большинства скифов, излюбленными занятиями которых были военные набеги и угон скота. По предположению автора, группа саков, которая еще при Зороастре восприняла новую веру, во II в. до н. э. продвинулась с севера на юг, в Дрангиану, ставшую новой родиной зороастризма и получившую название Сакастан.

Ж. Дюшен-Гильмен в статье «Бог Кира» (III, стр. 11—21) высказывает гипотезу, что Митра был верховным богом у мидийцев и в пантеоне Кира II. Маг Гаумата, захватив власть в Персидской державе в 522 г. до н. э., по мнению автора, стремился отменить культ Ахура-Мазды, а Дарий I, когда он занял престол, восстановил культ этого бога и представил ему в ущерб Митре верховное место в ахеменидском пантеоне. Дюшен-Гильмен склонен полагать, что начиная с Дария Ахемениды были зороастрийцами.

В VII томе переизданы работы Нюберга по иранской религии (о гимне Зервану в Бундахишне, космогонии и космологии маздакизма, зороастрийском календаре и т. д.).

XIV — XV тома, каждый из которых насчитывает почти по 700 страниц, отведены под избранные труды знаменитого ираниста В. Б. Хеннинга, которые были опубликованы в 1932—1968 гг. в различных журналах и теперь для удобства читателя собраны в *Acta Iranica*. Многие из этих работ посвящены манихейским текстам, бактрийским, согдийским и сасанидским надписям, Авесте и иранским религиям, иранизмам в арамейских, вавилонских, коптских, арабских, китайских и других текстах. Издание осуществлено фототипическим способом с сохранением пагинации оригиналов публикаций и с параллельной новой пагинацией.

Теперь перейдем к рассмотрению нескольких работ по древней истории Ирана. Дж. Хансман в статье «Ахеменидская крепость» (VI, стр. 289—309) высказывает гипотезу о том, что младшая линия Ахеменидов правила в Южной Персиде (Фарс), и административный центр их области был расположен на месте современного города Fasa (древнее название, вероятно, было Pasa) в 130 км к юго-востоку от Шираза. В связи с этим предположением остановимся кратко на современном состоянии проблемы о правлении Ахеменидов в двух коленах. До совсем недавнего времени в иранистике господствовало мнение, что старшая линия Ахеменидов (линия Кира II) царствовала в Аппшане, а младшая линия (линия Дария I) в Персии, пока Кир II не лишил власти Аршаму, деда Дария I, и не объединил под своей властью весь Иран. Рецензент еще в 1960 г. выступил против этой теории, полагая, что нет оснований говорить о царствовании в Персии или где-либо другом месте младшей линии Ахеменидов³. Новые источники, поступившие в научный оборот в течение последнего десятилетия, заставляют пересмотреть теорию о царствовании Ахеменидов в двух коленах. Во-первых, Аппшан, как это установлено на основании недавно обнаруженных текстов, по территории совпадал с Персидой (см. подробно ниже), и, следовательно, линия Кира с самого начала правила в Персиде, а не завоевала эту страну к середине VI в. до н. э. Во-вторых, основным аргументом в пользу теории о царствовании Ахеменидов в двух коленах было следующее заявление Дария I в Бехистунской надписи: «Восемь (человек) из моего рода были прежде царями. Я — девятый. Мы, девять, *duvitāparanam* являемся царями» (персидский вариант, § 4). Почти все исследователи считают, что *duvitāparanam* следует переводить «в двух линиях». Рецензент всегда считал такое толкование неверным и переводил указанное слово «с давнего времени»⁴. Эламский текст надписи в этом месте не поддается самостоятельному переводу, так как соответствующее персидскому *duvitāparanam* эламское *šamakmar* нигде больше не засвидетельствовано. Вавилон-

³ М. А. Д а н д а м а е в, К вопросу о династии Ахеменидов, ПС, 5, 1960, стр. 3—21.

⁴ Д а н д а м а е в, К вопросу о династии Ахеменидов, стр. 9 сл.

ский вариант Бехистунской надписи, недавно изданный по новой проверке, переводит указанную персидскую фразу следующим образом: «Мы — девять царей вечной линии»⁵.

Значительный интерес для скифологов представляет статья Дж. Камерона «Дарий и его скифский поход в Бехистунской надписи и у Геродота» (IV, стр. 77—88). Как известно, в V столбце Бехистунской надписи содержится сообщение о походе Дария I против племени саков-тиграхауда (саки с остроконечными шапками). Э. Херцфельд и некоторые другие ученые связывали это сообщение Бехистунской надписи с рассказом Геродота о скифском походе Дария и считали, что саки-тиграхауда жили в Северном Причерноморье. Но большинство ученых отвергает такое мнение и локализует саков-тиграхауда в Средней Азии, полагая, что в Бехистунской надписи и у Геродота говорится о совершенно различных событиях. Основанием для такого вывода, в частности, послужило то, что, судя по греческому тексту, известному под названием *Tabula Capitolina*, поход Дария против причерноморских скифов, как полагают специалисты, следует датировать временем между 514—510 гг., скорее всего 513 г. Поход против саков-тиграхауда датирован в Бехистунской надписи 3-м годом царствования Дария I, т. е. 519/518 г. Однако Камерон, ссылаясь на исследование американского ученого Дж. М. Балсера, считает ненадежными попытки датировать скифский поход, описанный у Геродота, исходя из *Tabula Capitolina*. По мнению Камерона, греческие источники о скифском походе и сообщение Бехистунской надписи описывают одно и то же событие, а именно поход Дария против скифов Причерноморья в 519 г. Он также полагает, что не только в Средней Азии, но и в Причерноморье были скифские племена, которые носили остроконечные шапки.

К. Ниландер в статье «Анатолийцы в Сузах и Персеполе?» (VI, стр. 317—323), исходя из стилистических особенностей ападаны в Сузах и техники обработки камня, приходит к выводу, что около 520—510 гг. на строительстве ахеменидских дворцов в Сузах работали ионийцы и лидийцы. В частности, сохранилось 75 личных клейм ремесленников-каменотесов. Параллели к этим клеймам обнаружены и в Персеполе.

В *Acta Iranica* публикуются тексты на иранских языках, а также большое количество статей по языкознанию и филологии. Остановимся выборочно на наиболее важных из этих работ.

«Хрестоматия манихейских и среднеиранских и парфяньских текстов» занимает IX том, подготовленный М. Бойс. Здесь собраны почти все ранее опубликованные тексты, которые представляют большой интерес для студентов и вообще иранистов. Для нового издания часть текстов была сверена по фотографиям. Тексты даны в латинской транслитерации, с комментарием, но без перевода. Словарь к этим текстам издан отдельной книгой (IXa). В него включена также лексика из еще не опубликованных текстов, которые хранятся в ГДР. Слова даны в транслитерации и транскрипции с указанием их значений.

Весь X том занимает публикация шести согдийских текстов буддийского содержания, найденных в 1907 г. А. Стейном и хранящихся в Британском музее. Издание подготовил Д. Н. Маккензи. Эти тексты были опубликованы еще в 20-х гг. нашего столетия, но значительный прогресс в их изучении за последние 40 лет потребовал их переиздания. Маккензи дает фотографии текстов, их транслитерацию, полный глоссарий, комментированный перевод, а также китайский оригинал одного из согдийских сочинений.

В XII томе опубликованы хотанские тексты и сасанидские печати из Британского музея. Издатель этих печатей Ф. Женью уточняет также чтения многих ранее изданных легенд. В том же томе помещено весьма пространное исследование Х. Симона под названием «Сасанидские монеты из находки в Вавилоне» (стр. 149—337). Всего издано в фотографии 442 монеты сасанидского времени с описанием типов их чеканки. Они составляют часть большой находки монет, обнаруженной Р. Колдевеем в 1900 г. в Вавилоне и насчитывающей более 9000 единиц.

⁵ E. von Voigtlander, *Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part 1, vol II: The Bisitun Inscription of Darius the Great. Babylonian Version*, L., 1978, стр. 12.

В статье *П. Лекока* «Проблема древнеперсидской клинописи» (III, стр. 25—107) делается попытка выяснить происхождение этой письменности. Лекок считает мнение некоторых ученых об изобретении персидской клинописи при Дарии I не только неправдоподобным, но просто невозможным. Он полагает, что она получила широкое применение в период царствования Дария I, но существовала задолго до него. В частности, он обращает внимание на то, что графика этого письма не отражает реального произношения персидского языка второй половины VI в. до н. э. Это, по его мнению, легко объяснить, если предположить, что клинопись персов возникла под влиянием какой-то другой письменности и постепено адаптировалась к особенностям древнеперсидского языка. Однако Лекок оставляет открытым вопрос, какая именно письменность послужила образцом при создании персидской клинописи. Он считает также, что надписи Кира II из Пасаргад, несомненно, подлинны, а предположение многих ученых относительно того, что надписи Ариарамны и Аршамы представляют древние подделки, спорно.

Е. Курилович в статье «Ударение в древнеперсидском» (IV, стр. 499—507) также полагает, что персидская клинопись расходится с фонологией синхронного ему древнеперсидского языка. По его предположению, первоначально персидский текст был написан семитскими знаками, а затем транскрибирован клинописью.

В маленьком этюде *И. Гринфильда* рассматривается происхождение выражения *lpr h'bd* «приобрел» (дословно «сделал собственным») в арамейских письмах сатрапа Египта Аршамы (V в. до н. э.). Э. Бенвенист полагал, что оно является калькой с древнеперсидского (*h)uwaīraīyam akunauš* «сделал своим собственным»), которое встречается в Бехистунской надписи. Но Гринфильду удалось установить, что такое выражение засвидетельствовано и в западносемитских языках. Он допускает возможность, что в древнеперсидском оно появилось независимо от семитского коррелята, но все же не исключает арамейского влияния на его возникновение (IV, стр. 311—316).

Большой интерес представляют этюды *О. Семерени* по древнеиранской лексике (V, стр. 313—394). В частности, он рассматривает значение др. перс. титула *hazara-patiš*. Как известно, 10000 «бессмертных» воинов персидской армии были разделены на 10 полков по 1000 человек в каждом. Начальника каждого из этих полков греческие авторы называют хилиархом (др. перс. *hazahrapatiš — «тысяцкий»). По мнению *И. Маркварта*, которое давно стало общепринятым, в V в. до н. э. командир охраны царя занимал исключительное положение, будучи самым могущественным после царя человеком, отвечавшим за безопасность правителя и ведавшим царскими приемами. Но Семерени считает такое мнение ошибочным и полагает, что греки спутали два термина, а именно *hazahrapatiš* («тысяцкий») и *azarapatiš*, которым обозначалось лицо, ведавшее царскими приемами, и передавали их словом *ἀξαραπάτις*, перенеся тем самым на одно лицо функции двух чиновников. По Семерени, при Ксерксе один из хазарапатов был командиром личной охраны царя и, по меньшей мере, одновременно существовало десять военачальников с таким титулом. Лишь при Артакеерксе I во второй половине V в. до н. э. хазарапат добился своего выдающегося положения.

Значительную часть XVI тома (стр. 1—240) занимает исследование *О. Семерени* о терминах родства в индоевропейских языках. Автор обращает особое внимание на индийские, иранские, греческие и латинские термины для обозначения как кровных родственников, так и родственных отношений, возникших в результате браков. Рассматриваются также термины для обозначения целых групп (семья, род, народ и т. д.). Семерени не ограничивается лингвистическими аспектами этой темы, но стремится увязать результаты своего исследования с современными антропологическими и этнографическими теориями. В частности, он отмечает, что для обозначения слов «племянник» и «племянница», а также двоюродных братьев и сестер в индоевропейском не было особых терминов, и эти родственные отношения обозначались описательно (сын/дочь брата, брат со стороны дяди по отцовской линии и т. д.). Для «мужа» и «жены» индоевропейский также не имел специальных терминов, и для их обозначения пользовались словами со значением «мужчина» и «женщина». Как известно, для древнеиранского общества было характерно следующее деление: 1) дом, семья (*dan-*, *danāna-*),

2) род (vis-), 3) племя (zantu-), 4) страна (dahyu-). Некоторые ученые высказывали мнение, что такое деление восходит к индоевропейскому наследию. Но Семерени не склонен согласиться с этим, поскольку третий и четвертый термины не имеют аналогии даже в древнеиндийском. Хотя, конечно, соответствующие слова и существовали в последнем, они там не составляют элементов социальной структуры (jantu значит «творение, человек, мужчина», dasyu- «демон, нечестивый человек» и т. д.)

В разделе своей работы о терминах для свободных Семерени отмечает, что греческое слово *ἐλεύθερος* первоначально применялось только по отношению к вещам со значением «свободные от обложения». Слово это было заимствовано греческим из анатолийского *agawatar(a) «свободное (имущество)» «свобода от обложения», и лишь в послемикенское время оно приобрело самостоятельное развитие с семантическим переходом к значению «свободный от обязательств (характерных для раба)». Лингвистические данные, по мнению Семерени, свидетельствуют о том, что индоевропейцы имели патриархальную систему; так как власть в семье находилась в руках мужа, невеста переходила в семью мужа, счет родства велся по мужской линии и по этой же линии наследовалось имущество.

В настоящем обзоре нет возможности остановиться на многочисленных статьях *Acta Iranica* об истории иранистики в различных европейских странах, работах по ахеменидскому искусству и т. д. Отметим лишь, что тома *Acta Iranica* в течение десятилетий будут настольными книгами для иранистов и представителей смежных дисциплин. Хочется выразить надежду, что это издание действительно станет «перманентной энциклопедией».

Persica, № VI, 1972—1974 [1977]

Журнал издается в Бельгии и является ежегодником Нидерландско-Иранского общества. Под руководством известного голландского востоковеда А. А. Кампмана он превратился в крупное периодическое издание. В его редколлегии работают ученые многих стран мира, в том числе и социалистических. В журнале публикуются статьи на английском, французском и немецком языках по всем периодам истории Ирана, но преимущественное место в нем занимают работы по древней истории и культуре. В конце 1977 г. после внезапной кончины проф. Кампмана главным редактором журнала стал бельгийский востоковед П. Х. Л. Эггермонт.

Из статей, помещенных в рассматриваемом томе, значительный интерес представляет обзор археологических раскопок в Иране в 1967—1972 гг., составленный М. Вуйненом (стр. 51—93)⁶. В этом обзоре содержится описание в алфавитном порядке 37 крупных археологических памятников с указанием основных результатов раскопок и подробной литературы. Остановимся на нескольких наиболее интересных для истории древнего Ирана памятниках.

Нуш-и Джан-тепе, расположенный в 70 км к югу от Хамадана, пока является единственным почти полностью раскопанным поселением на территории исторической Мидии, относящимся к начальному периоду и расцвету этого царства (750—600 гг.). Раскопки ведутся уже пять полевых сезонов начиная с 1967 г. Британским институтом по изучению Ирана. Помещения, сложенные из сырцового кирпича, сохранились на высоту до 7 м (местами обнаружены полы и стены второго этажа и даже остатки крыши). Поселение занимало вершину скалы высотой около 30 м. Структура поселения в определенной степени отражает характер раннемидийского государства. На естественной возвышенности, господствующей над обширной долиной, возведены только культовые и административные здания. Все поселение — это лишь ставка вождя и дружин. Памятник состоит из крепости, центрального храма, колонного зала (зал аудиенций) и так называемого западного храма. Слева от единственной двери, ведущей в центральный храм, находился алтарь, огороженный

⁶ Ср. ценный обзор археологических раскопок в Иране в 1965—1971 гг., составленный по региональному признаку: K. Schirpman, Forschungs- und Ausgrabungsergebnisse in Iran seit 1965, MDOG, 104, 1972, стр. 45—79.

кирпичной стеной высотой 80 см. Алтарь представлял собою круглую колонну, увенчанную капителью из четырех увеличивающихся в размерах «ступеней». Он был сложен из сырцового кирпича и покрыт белой обмазкой. По мнению руководителя раскопок Д. Стронаха, этот храм отвечал самым скрупулезным требованиям поздней зороастрийской практики. Все центральное помещение в какой-то момент было тщательно заложено на высоту (по крайней мере 6 м) плитами сланца, перекрытыми сверху сырцовыми кирпичами. Дверь, ведущая в святилище, также была тщательно замурована. О причинах, вызвавших эти меры, пока можно только высказывать различные предположения.

С 1951 по 1975 гг. велись раскопки холма Хасанлу (высота 25 м) на южном берегу озера Резае. Раскопки производил Пенсильванский университет совместно с Археологической службой Ирана, а с 1959 г. и с Метрополитен-музеем. Целью раскопок было изучение памятников не только Хасанлу, но и всего северо-запада Ирана. Руководитель раскопок Р. Дэйсон сформулировал задачи археологической экспедиции следующим образом: 1) установление хронологической последовательности различных фаз культуры, сменявшихся на поселениях, вплоть до ахеменидского периода; 2) характеристика каждой из этих фаз и всей суммы фактов, составлявших различные культуры; 3) реконструкция исторических событий на основании полученных данных. Всего раскопано десять слоев остатков поселений приблизительно от VI тыс. до эпохи ислама.

В 1867—1971 гг. в Сузах была раскопана часть «царского города» — акрополь. В частности, были найдены протоэламские таблички с рисуночным письмом и две закладные мраморные плиты с надписями Дария I на эламском и аккадском языках. В Сузах была также раскопана трехметровая каменная статуя Дария I (голова не сохранилась) с обстоятельной надписью на древнеегипетском и более короткими клинописными тринлингвами на древнеперсидском, эламском и аккадском языках.

Исключительно интересные результаты дали раскопки, начатые в 1971 г. в местности Малиан в 46 км к северу от Шираза, где, в частности, было найдено значительное количество среднеэламских хозяйственных документов, царские надписи и другие тексты, свидетельствующие, что это — территория знаменитого эламского города и области Аншан (в среднеэламских табличках из Малиана единственное упоминаемое место — Аншан). Таким образом, как это выяснилось лишь недавно, Аншан по территории совпадал с более поздней Персидой (Парсуаш, Фарс). Жизнь в городе Аншан продолжалась с конца IV тыс. до сасанидского времени.

Тепе Яхья, расположенное в 225 км к югу от Кермана и раскапываемое с 1967 г., является самым крупным доисламским археологическим памятником в Юго-Восточном Иране. Высота тепе 49 м, а диаметр — 190 м. Всего прослежено восемь культурных слоев начиная с III тыс. На вершине холма — сооружение из сырцовых кирпичей, составлявшее обширную цитадель парфяно-сасанидского времени. В ахеменидский период (третий слой) на тепе было расположено обширное поселение, которое тянулось по всем направлениям на сотни метров. Очевидно, на холме располагался административный центр ахеменидской провинции. Значительный интерес представляет также находка на тепе протоэламских табличек. При этом возможность того, что таблички попали туда в результате торговли, исключается, так как часть их только подготовлена для записи. Находка этих табличек свидетельствует об оживленных торговых связях Ирана с Индией еще в начале III тыс. Тот факт, что таблички с рисуночным письмом были найдены не только на собственно эламской территории (в Сузах, Аншане и др. городах), но также в Центральном Иране (Сиалк) и на тепе Яхья, может свидетельствовать о том, что эламиты занимали большую часть плато (такое мнение высказал нам Р. Гиршман; однако возможно, что эти таблички читались не только по-эламски, но и на других языках).

Статья Ю. Х. Кроувеля «Древнеперсидское оружие в амстердамском Музее Алларда Пирсона» (стр. 115—129) содержит публикации в форме каталога 28 предметов бронзового и медного оружия (топоры, наконечники стрел, мечи, кинжалы и т. д. начиная с III тыс.).

Статья *Элизабет К. Л. Д. Касперс* посвящена археологическим памятникам на острове Бахрейн (стр. 131—156). По приблизительной оценке, на нем находится около 10 000 погребальных холмов, которые обычно сооружались из больших грубоотесанных известняковых блоков. Высота этих холмов 0,90—1,20 м. Некоторые из них высотой до 6 м и диаметром более 20 м. Эти могилы относятся к различным периодам начиная от 2400 г. до н. э. до 100 г. н. э. В 1954—1965 гг. датские археологи раскопали около 50 таких холмов, где нашли много погребальной посуды, которая имеет аналогии с керамикой из Ура, Ларсы, Суз и т. д. от раннединастического периода до эпохи III династии Ура. В период между началом I в. до н. э. и I в. н. э. Бахрейн, судя по керамике парфянского происхождения, найденной в могилах, находился в сфере влияния парфян.

В статье *В. Т. Смиттена* рассмотрены исторические проблемы, связанные с указом Кира, разрешившим пленным иудеям вернуться из Вавилонии и восстановить храм в Иерусалиме (стр. 167—178). Как известно, книга Эзры содержит упомянутый указ Кира как на древнееврейском, так и на арамейском языках. По мнению автора статьи, сравнение текстов на еврейском и на арамейском в указе Кира говорит против достоверности первого, и ни одна из этих версий не дает дословного текста указа. Ссылаясь на то, что у Аггея и Захарии не упоминается указ Кира, Смиттен считает возможным, что Кир вообще не давал разрешения на сооружение храма (стр. 171). Но такое предположение находится в противоречии со всеми источниками. Э. Бикерман показал, что обе версии указа Кира в книге Эзры являются подлинными. Арамейская версия была официальным документом царской канцелярии, а древнееврейская — устной редакцией указа, рассчитанной на публичное оглашение⁷. Рецензируемая статья содержит также немало фактических ошибок. Например, автор утверждает, что во время первых лет правления Набонида «северные мидийцы» перешли Тигр, захватили западную часть Месопотамии и разрушили храм Эхульхуль в Харране (стр. 168). Но, как известно из Вавилонской хроники и надписей вавилонских царей, Эхульхуль был разрушен еще в 612 г., когда мидийцы вторглись в Харран, преследуя бежавшие из Ниневии остатки ассирийской армии⁸. По условиям мира, заключенного между вавилонянами и мидийцами, которые совместно уничтожили Ассирийскую державу, исконная ассирийская территория и Харран отошли к мидийцам. Далее Смиттен пишет, что Кир II погиб в 530 г. в походе против массагетов и парфян; в 526 г. в Египте произошло восстание, в результате которого фараон Амасис был свергнут Псамметихом III (стр. 175); вавилоняне восстали против персидского господства в 521 г. под руководством Нидинту-Бела, который выдавал себя за сына Навуходоносора, а в 519 г. вавилоняне восстали вторично под руководством Арахи (стр. 177). Но в действительности Кир погиб в 530 г. во время похода против массагетов (а не парфян); при Амасисе в Египте не было никакого восстания, и он умер естественной смертью, после чего власть перешла к его сыну Псамметиху (см. Herod., III, 10); Нидинту-Бел восстал в 522 г. и выдавал себя за сына последнего вавилонского царя Набонида, а не Навуходоносора, а мятеж Арахи произошел в 521 г.⁹ Относительно источников о правлении Камбиза в Вавилонии в 538 г. под верховной властью Кира II Смиттен ссылается на совершенно устаревшую работу Г. Винклера, опубликованную еще в 1903 г. (стр. 175, прим. 18)¹⁰. Имея в виду сказанное, рассматриваемую статью трудно считать сколько-нибудь существенным вкладом в исследование поставленных в ней проблем.

В конце тома даны подробный перечень книг по иранистике, опубликованных в 1971—1972 гг. (стр. 183—190), и 31 таблица с превосходно выполненными иллюстрациями.

⁷ E. Bickerman, *Studies in Jewish and Christian history*, Leiden, 1976, стр. 72—108.

⁸ См., например, A. K. Grayson, *Assyrian and Babylonian Chronicles*, N. Y., 1975, стр. 95.

⁹ См. Бехистунскую надпись § 16 сл., 49 сл.

¹⁰ Ссылки на новую литературу по этому вопросу см. M. A. Dandamayev, *Persien unter den ersten Achämeniden*, Wiesbaden, 1976, стр. 100 сл.

Iranistische Mitteilungen, IX — X, Allendorf an der Eder, Antigone-Verlag, 1975—1976

Журнал выходит начиная с 1967 г. В нем публикуются статьи, библиографические обзоры и другие материалы по истории и культуре Ирана всех периодов. Автором большинства статей и обзоров является сам издатель журнала Х. Канус-Креде. Регулярно публикуются также в немецком переводе статьи известных иранистов (в том числе и советских). В каждом номере значительное место занимает немецкий перевод «Шахнаме» Фирдоуси. В номере IX помещены некролог и библиография трудов шведского востоковеда Х. С. Ньюберга (стр. 3—17), а также немецкий перевод его статьи «Биография Заратуштры в Декарте», первоначально опубликованной в 1955 г. на шведском языке (стр. 18—44). В номере X дан немецкий перевод вышедшего в 1961 г. на шведском языке исследования С. Викандера «Религия индогерманцев» (стр. 1—18), в котором обращается внимание на множество параллелей между скандинавскими сагами и индийским эпосом. Попутно отметим, что трудно принять предположение автора о том, что в Египте кастовая система возникла под влиянием индоевропейских представлений (стр. 13). Гипотеза о кастовом характере египетского общества, возникшая еще в прошлом веке на основании соответствующего сообщения в труде Геродота, не нашла подтверждения в египетских источниках. В этом же номере переиздана статья Ф. Юсти о войске Ксеркса, которая увидела свет еще более ста лет назад и теперь совершенно устарела.

Хотя иранисты найдут много интересного материала в рецензируемом журнале, он тем не менее еще не имеет четкого адресата и занимает промежуточное место между научными и популярными изданиями.

М. А. Дандамаев